

АКАДЕМИЯ НАУК КАЗАХСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
ИМ. Ч. Ч. ВАЛИХАНОВА
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СОВЕТ ОБЩЕСТВА ОХРАНЫ ПАМЯТНИКОВ
ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ КАЗАХСКОЙ ССР

МАРГУЛАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Сборник материалов конференции)

Алма-Ата, 1989

РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Акишев А. К.

СИСТЕМА «СТЕПЬ — ГОРОД» И ЗАКОНОМЕРНОСТИ СЛОЖЕНИЯ КОЧЕВЫХ КУЛЬТУР СКИФО-САКСКОГО ВРЕМЕНИ

Если принять во внимание знание большинства историков о том, что номадизм, как хозяйственно-культурный тип кочевого скотоводства и образ жизни у ряда народов Великого пояса евразийских степей возник в начале 1 тыс. до н. э., что взаимосвязи древних цивилизаций и кочевников составили важнейший лейтмотив мировой истории, а затем обратиться к историографии номадизма, приходишь к парадоксальному наблюдению: сейчас, когда через 3 тысячи лет своей истории кочевничество быстро и повсеместно исчезает, его изучение историками, археологами и этнологами только начинается. Объемы научной информации об истории «цивилизованных народов» и народов кочевых не сопоставимы. Понятие номадизма как ХКТ даже не имеет общепринятой формулировки.

В чем же дело? Думается, что на эту ситуацию оказала влияние инерция действующих в истории и этнологии критериев нравственной оценки кочевничества, развивающихся с момента его возникновения.

Само понятие цивилизации было выработано ощущением оппозиционера, в качестве которого чаще всего выступал скотовод-кочевник. Поскольку история как наука развивалась, прежде всего, в контекстах урбанистических цивилизаций, ко времени интернационализации европейской науки сложилось психологическое предубеждение к истории кочевничества и оно до сих пор проявляется в различных формах: в методическом

плане — от преобладания внешних оценок историко-культурного феномена кочевничества в сравнении с приоритетами оседло-земледельческих культур до тенденции оценивать его как стагнационное явление.

Возникновение кочевого скотоводства и культур номадов было эпохальным событием в истории человечества. Ему предшествовали те важнейшие изменения в жизни племен Евразии, которые связываются с понятием неолитической революции: появление производящих форм хозяйства (земледелия и скотоводства), резкая интенсификация социального и технологического прогресса в древних обществах, зарождение цивилизаций древневосточного типа.

В достаточно однородных экосистемах пустынного и степного пояса Евразии, населенных неолитическими племенами, с присваивающими формами хозяйства (охота и собирательство), благодаря структурной интеграции технологических инноваций, пришедших из центров зарождения цивилизации (усвоение их происходило на селективной основе), возникали т. н. культуры степной бронзы. Они были родственными и весьма схожими в основных признаках, что отражается в археологических комплексах. Пути их трансформации были достаточно единообразными и жестко детерминированными как экосистемными факторами, так и воздействием историко-культурного порядка, поэтому те перспективы развития, которые были скрыты в сложившихся у них гетерогенных формах хозяйства (навыки земледелия, скотоводства, горного дела, металлургии, ремесла, охоты и собирательства), приобретали специфическую направленность, дававшую оптимальные варианты для производства в условиях аридной и экстраридной зоны.

Здесь следует особо обратить внимание на важнейший фактор природной обстановки, который оказывал влияние на степные культуры. Он заключается, с одной стороны, в сезонных изменениях экологической ситуации в степном поясе, а с другой, — в ритмичных вековых изменениях ландшафтно-климатических условий, связанных с периодическими колебаниями периодов увлажнения и аридизации. Первое вызвало то явление в жизни кочевников, которое и является одной из основных особенностей их жизни. Оно известно как степной градиент — перемещение скотоводов между зимними и летними пастбищами (в Евразии — в меридиальном преимущественно

направлении), определяющее пространственную направленность внутренних культурных коммуникаций. Второе — чередование в их истории периодов расцветов и кризисов, ускорения и замедления социально-экономического развития, популяционных взрывов и регрессов, в результате чего происходило частое переструктурирование в составе складывающихся историко-культурных общностей и выплескивание энергии кочевых этносов за пределы их ареала (в Евразии — прежде всего, в широтном направлении). Это определило высочайшее развитие тех военных функций в ориентации кочевых обществ, которое в сознании населения центров оседло-земледельческих цивилизаций вызывало эсхатологические кошмары.

В окружавших «скифский мир» цивилизациях древневосточного типа политические системы всегда тяготели к регулярности, и идеальное государство представлялось в образе правильно организованного города, обнесенного могучей стеной, должной защищать от «варваров». Но «великие китайские стены» как нравственные, так и материальные всегда оказывались «воздушными замками». Регулярные государства быстро бюрократизировались, города взрывали идеальные построения и развивались как агломерации, и как только в «цивилизованном мире» наступал периодический упадок — «утомление культурой», — стенные «генераторы народов» выплескивали на запад или на восток (как это было в Китае) новые массы номадов.

Как ни парадоксально, кочевнические культуры в определенном отношении более открыты, чем тяготеющие к автономии и индивидуализму земледельческие. С одной стороны, особенности кочевничества как доминантного ХКТ вырабатывают своего рода адекватный условиям жизни аскетизм, заключающийся в относительной жесткости и стабильности — интровертированности социально-экономической структуры, что находит внешнее выражение в традиционности хозяйства и культуры, специфике институциональных отношений и, в конце концов, в сходстве у разных кочевнических народов одного этногенетического возраста стереотипов этнического поведения и психологии. Такая структура в нормальных условиях функционирования (здесь существенны адаптационные, отражающие взаимодействие со средой, факторы) обладает минимальной гибкостью и тенденцией к воспроизводству.